

ЧЕТВЕРТАЯ РЕСПУБЛИКА

Грузинская, украинская и теперь киргизская революции - это как бы картины на один и тот же сюжет, написанные разными художниками в разных стилях, или та же пьеса, но поставленная в разных театрах. Киргизские конные революционеры совсем не похожи на грузинских студентов с розами в руках или на стоящих на Майдане Незалежности киевлян. Но тем не менее сюжет - один.

И это - отнюдь не сюжет неконституционного свержения законной власти, как об этом сказал Путин. Все прямо наоборот. Неконституционное революционное свержение власти может быть только тогда, когда есть реально действующая конституция, то есть правила, которым подчиняются и правители, и их оппоненты, и по которым оппозиция может прийти к власти мирно и законным путем. Если такие правила есть, революция - преступление. Но во всех трех случаях их не было, как их нет и в других странах СНГ, кроме Молдавии, где факт прихода к власти коммунистов доказал, что они есть. Во всех трех случаях правящие президенты подтасовывали результаты выборов, устраняли своих политических соперников при помощи послушных им судов и меняли правила игры по ходу игры. Акаев, например, правил при трех разных конституциях, каждый раз якобы одобрявшихся на референдумах подавляющим большинством голо сов. (В референдуме по последней конституции 2003 года по официальным данным участвовали 86,36% избирателей и за нее проголосовали 75,5%). И в Грузии, и в Украине, и в Киргизии неконституционной и антиконституционной была сама власть, а восстававшие против нее, напротив, утверждали принципы конституционализма. Воплощал и отстаивал право в Киргизии не президент-академик и демократ, принимающий присягу на очередной конституции, которую он так же не собирается соблюдать, как и предшествующие, а прискакавший из киргизской «глубинки» всадник с желтым флагом в руке, которого мы могли видеть на телеэкранах. И совершенно не важно, знает ли этот всадник слово «конституционализм». Ибо в конечном счете «конституционализм» - это просто «честная игра», а эти слова всадник знает.

Никто не может гарантировать, что киргизская революция приведет к установлению демократии. Но представление о том, что если уж мы не готовы ни к какой иной демократии, кроме очень «управляемой», то где уж киргизам, - не верно. У недавних кочевников-киргизов нет опыта своего государства, в их прошлом есть лишь протогосударственные институты «племенной демократии». Но отсутствие опыта своего государства может быть лучше, чем практически не прерываемая история разных форм самодержавия. У киргизов - сильные субэтнические и региональные различия и самосознания. Но общество, в котором есть общности как-то поддерживающих друг друга и не одиноких людей, может быть лучшей основой для демократии, чем общество, где власти противостоит однородная масса атомизированных и одиноких индивидов. Культура киргизов - не европейская. Но демократии есть в неевропейских Турции или Тайване, хотя их еще нет в европейских России и Белоруссии. Киргизы - очень бедные, но хотя бедность, несомненно, мешает установлению демократии и правопорядка, но богатство, возникающее из «нефтедолларов», тоже явно не помогает. Есть пример страны, еще более удаленной от Европы и с совершенно неевропейской культурой, также населенной бывшими кочевниками и также бедной, которая, тем не менее, смогла в посткоммунистический период создать систему с едиными демократическими «правилами игры», в рамках которой уже несколько раз к власти приходили разные политические силы. Это - Монголия. И если монголы смогли создать не «управляемую» и не имитационную демократию, то почему не смогут киргизы?

Но даже если на этом этапе своего развития киргизы к демократии не придут, если они скатятся к анархии, из которой возникнет какой-то новый авторитаризм, все равно они сделали к ней громадный шаг. Теперь в киргизской истории и киргизском сознании есть опыт того, что народ смог свергнуть президента, который был уверен, что, манипулируя выборами и референдумами, он будет править столько, сколько захочет, а когда совсем устанет, передаст власть сыну или дочери. Наши поступки остаются в нашей памяти

и преобразуют нас. Человек, который смог дать отпор тем, кто над ним издевался, преодолев свой страх, тем самым становится иным человеком, чем раньше. В следующий раз ему уже легче будет преодолеть страх и дать отпор. Да и другие будут с ним поосторожней. Так же как человек, который струсил и подчинился, также становится другим. То же и с народами. Что бы ни случилось дальше, киргизы уже - другой народ. И даже если в Киргизии к власти сейчас придут люди не лучше Акаева, им уже будет труднее пойти по акаевскому пути, а киргизам - легче им это не позволить.

Сейчас все в СНГ гадают - кто следующий, четвертый? Казахстан, где президент совершенно так же, как Акаев, намерен переизбираться до тех пор, пока у него хватает физических сил, и где для него главная политическая проблема - кого из его зятьев, или, может быть, просто любимую дочку сделать следующим президентом? Азербайджан, где уже правит сын покойного президента и где между тем, как люди голосуют, и тем, какие результаты оглашает избирательная комиссия, не только нет полного соответствия, но, похоже, нет и никакой корреляции? Белоруссия, где президенту лучше умереть, чем пойти на честные выборы, ибо, если придет к власти оппозиция, будут расследоваться «таинственные исчезновения» его политических противников? Перечисление можно продолжить - картина везде примерно одинаковая.

Мы не знаем, кто будет четвертым. Но ясно одно. Во всех наших театрах история поставила пьесы с одним и тем же, не слишком сложным сюжетом. Это пьесы о людях, которые пришли к власти, клянясь в верности демократии, некоторые - даже искренне. Но им и их близким очень понравилось быть у власти, и они стали создавать «управляемые демократии», то есть совершать разные преступления и обманы, чтобы сохранить власть. Народы им достались наивные, запуганные предшествующей историей, неорганизованные - «человеческий материал», удобный для «управляемых демократий». Но до бесконечности это делать все равно не получается. Обман становится уж слишком очевидным, и правители приходят к неизбежному краху. Этот сюжет разворачивается по-разному, где медленно, где стремительно, где очень драматично и насильственно, где мягче и прозаичней. Но это - один сюжет, и у него есть своя «железная» логика. Пьеса неумолимо движется от пролога к эпилогу. Ее первый акт - «Приход к власти» - уже давно сыгран. Но если на сцене второй акт («Стабильность»), значит, за ним будет сыгран третий («Крах»). Других пьес в наших театрах нет.